

Ольга Валентиновна
Крюкова

**Снимите меня
с креста**

Ольга Валентиновна Крюкова

Снимите меня с креста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27434102

ISBN 9785448598081

Аннотация

Центральное место в сборнике занимают: мини-роман «Снимите меня с креста» (жанр антиутопия), новелла «Крылья орла», повествующая о последних часах жизни молодого мужчины и мини-роман «Палач», увлекающий читателей в эпоху правления Людовика XIV. Сюжеты оригинальны. Интригующие завязки и логически непредсказуемые развязки. Не предназначены для прочтения (кроме притч и стихов) беременными и кормящими женщинами, несовершеннолетними, людьми, имеющими психические отклонения и слабое сердце.

Содержание

Предисловие к сборнику	5
Поэзия	8
Проза	58
Снимите меня с креста	58
Пролог	58
Глава 1	60
Глава 2	63
Глава 3	66
Глава 4	69
Глава 5	72
Глава 6	75
Глава 7	80
Глава 8	83
Глава 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Снимите меня с креста

**Ольга Валентиновна
Крюкова**

© Ольга Валентиновна Крюкова, 2019

ISBN 978-5-4485-9808-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к сборнику

Представляю уважаемым читателям свой сборник. Он состоит из двух частей:

- Поэтическая
- Прозаическая

Я начала книгу со стихов потому, что, на мой взгляд, стихи – это конспект мировоззрения. Чтобы подготовить читателей к восприятию своих неординарных мини-романов и новеллы, посчитала необходимым ознакомить их сначала со своими взглядами и жизненной установкой.

Если вы не любитель поэзии, то можете перелистать страницы, но я бы не советовала. Стихи прочувствованы до глубины души, слагались с душой, написаны для души и представлены читателям от всего сердца.

Центральное место в сборнике занимают два мини – романа «Снимите меня с креста» и «Палач», и новелла «Крылья орла».

Так же в сборник включены две притчи «Лань и стая шакалов» и «Сказ о том, как мужик с места на место переезжал».

Почему я обратилась к несуществующему жанру мини-роман? Видимо, потому что мой стиль, мой любимый конёк – лаконичное по форме и ёмкое по содержанию изложе-

ние.

Хочу немного охарактеризовать каждое произведение, чтобы читатель не приобреталкота в мешке.

«Снимите меня с креста» – написан в жанре антиутопия. Название говорит само за себя. В захватывающей художественной форме я привожу доводы в пользу данного высказывания, с которым читатель, легко осилив произведение, не сможет не согласиться.

«Крылья орла» – полудетективная новелла, повествует не только о последних часах жизни молодого мужчины, но и о том, как в глубине сознания, сдавленного страхом, из разрозненных проблесков складывается причинная картина, приведшая его, – примерного семьянина и любящего мужа и отца, к изощрённой пытке-казни, практикующейся со времён викингов
«крылья орла».

«Палач» – читатель погрузится с головой в увлекательную историю времён правления Людовика XIV. Роман не претендует на историческую достоверность событий, которые, тем не менее, настолько правдивы, что в их подлинности не возникнет сомнения.

Откалывая крупичу за крупичей от каменного сердца палача, я постепенно обнажаю его душу. Произведение отно-

сится к жанру общественная драма.

Произведения (кроме притч и стихов) не предназначены для прочтения беременными и кормящими женщинами, несовершеннолетними, людьми, имеющими проблемы с сердцем, имеющими слабые нервы и страдающие психическими расстройствами.

Все права на произведения защищены.

Произведения предназначены для личного прочтения. Иные действия с текстами произведений – только с личного разрешения и по согласованию с Автором или законными наследниками.

Цитирование частей произведения в объёме, предусмотренном Законом об Авторском праве, в том числе в вольном пересказе и иной интерпретации, допускается только с указанием ФИО Автора.

С уважением к моим читателям.

Ольга Валентиновна Крюкова

Поэзия

Уж сказаны за нас все мудрости и речи...

Уж сказаны за нас
Все мудрости и речи.
Читай, внимай, учи,
Учись им не перечить
И жить так, как велят нам мудрецы.

Но продолжают все (вот ведь слепцы!)
Читать, вникать и повторять без устали те речи.
И постоянно им перечить.

В чём парадокс таких вот поведений?
Перефразирую Сенеку:
«Примеров в речи мудрой мало, много наставлений».

Закрою томик сладостных речей.
На грабли наступлю ещё не раз,
Тогда лишь только и пойму,
В чём мудрость не прочитанных мной фраз.

«...Долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров».

Сенека

2014 г.

Эскиз судьбы

С судьбой смирись —

В короткий срок добавит к вечности виток.

С судьбой борись —

И полетишь. Иль камнем вниз, иль птицей ввысь.

Судьбой хвались —

И вот удача уже бредёт от горя тихо плача.

Судьбу ругай —

Не виновата. Сам не ленись. Её не обижай, не надо.

Судьбу прими. Борись, ругай

И похвалить не забывай.

Судьбой живи. Люби, дерзай.

С тревогой жизнь в аду,

С надеждой – вот он, рай.

Мы отданы судьбой на Суд Всемирного Творенья.

А наша Жизнь есть наше Воскресенье.

Несём мы крест свой соразмерно

Своим земным деяньям грешным.

И мыслями прокладывая путь.

Надеемся, что сможем отдохнуть, покаявшись,
Что будем прощены,... Прощаясь.
Других простим.
Себя простим ли мы?

Все судьбы пойманы единой
Тончайшей сетью паутинной.
Судьба. ... У каждого своя
Как отражение всех одновременно.
И на свои места расставит постепенно то,
Что невозможно описать ни в прозе, ни стихами...

Доверю, лучше, образ сей комедии и драме.

Вчера я пела под орган...

Вчера я пела под орган:
О Боже, смилуйся над нами, —
В нестройном хоре между дам,
Сидевших стройными рядами.

И заиграли витражи
Огнём небесным полыхая.
И оживились муляжи,
Преддверье обнажая рая.

В тот день Креститель Иоанн
Рождён был, чтобы стать Предтечей.
Я пела, и играл орган.
В экстазе задрожали плечи.

Потом я подошла к Нему,
Кого распяли, – напоила.
И показалось – ко кресту
Вся нечисть, да, меня прибила.

Он не воскреснут? Здесь один
Останется в полночном храме.
О Боже, смилуйся над ним.
Не откажи в прошение даме.

Там знают всё, что я хочу.
Я знаю всё, что Там желают.
Шанс предоставлен палачу.
По совести пусть выбирает.

Вчера я пела под орган.
И свет рассеял в небе тучи.
Я знала, что услышат Там
Мой голос, тихий и певучий.

О Боже, смилуйся над ним.

В который раз я повторяю
Врага жалею. Мной любим.
Не мне судить... я это знаю...

25.06.2017 г.

Два врага во степи повстречались...

Два врага во степи повстречались.
Солнце в ночь клонилось поспать.
А казак с казаком распалялись.
Но решили они не стрелять.

А решили они в рукопашный
Бой вступить, силой смеряться враз.
И сомкнулись в объятиях страшных.
И сходились в борьбе той не раз,

Отступая на отдых секундный,
Злостью, гневом пылая во тьме.
Месяц с неба, печально приبلудный,
Их спросить он, однако, посмел,

Звонкий голос и свет расточая:
Что вы, молодцы, делите там?
Ждут вас жёны и дети, скучая.

Расходитесь-ка, вы, по домам.

Как ни странно, один из них внемлет.

Как ни странно, не чует другой.

Первый трусом казаться не смеет.

Соглашаться не хочет второй.

На исходе ночи солнце встало,

Ослепило несчастных врагов.

Их, незрячих, оно наставляло:

Вот теперь из вас каждый готов

Разделить слепо участь не вражью.

И прозрели бойцы-бунтари:

Что они там делили, что важно

И важнее, чем мирные дни?

И пошли по степи ослеплённы

Два врага силой солнечных слов.

Чтоб нести истину немудрённу:

Не ломать, не ломать, больше, дров.

Помирились бойцы, побратались.

И, живой окропившись водой,

Как родные они обнимались,

Этот сказ нам поведав с тобой.

28.06.2016 г.

И шла она, как есть, простоволоса...

И шла она, как есть, простоволоса,
Босая, в сером рубище на тело голое.
Упрямо опираясь на посох.
Дорожка уготована ей долгая.

Шла утром, день, а в вечер отдыхалось.
А в ночь костёр палила зверю дивному.
Росой и ягодою редкою питалась
И не молилась никому великому.

И шла она, как есть, простоволоса,
Любуясь всем, что ей навстречу виделось,
С верёвкой, разлохмаченной на чреслах,
Истерзана мозолью и торосами.

Шла, думу думая о том, что с незапамятных
Вреён досталось ей движение несметное.
И думала о том так незлопамятно,
Что позабылось колесо округлое каретное.

Промокла под дождём и сохла засухой.

В снега завьюжилась. Во льду замёрзла глыбой.
Песков в пустыне понасыпав насухо,
С отливом устремилась в море рыбой.

С рассветом разбегалась по лучикам.
Шла утром, день, а в вечер пряжу прялось.
А в ночь, когда совсем-совсем измучена,
Ей не спалось, а просто отдыхалось,

Пошла она, как есть, простоволоса,
Венки плести и песнь, голубоглазая...
Посеяла и зрела спело-сочным колосом,
Непраздная. Так празднично, непраздная!

11.06.2016 г.

Болевой разряд

Возьмёшь суковатую палку,
Опору мозольной руке.
Отправишь на ближнюю свалку
Груз лет и себя налегке.

Фемида. Весы. Разновесы.
Вопросы: Почём там и как.
Виновен кто, боги иль бесы,

Тебя погружая во мрак.

Во мрак, разноцветный светом,
Откуда дрожащей рукой
Ты нам не отправишь привета,
Вздыхая: «А где же покой».

Придавят твоё воскресенье —
С прожилками мрамор – плитой.
Придавлено жизни именье
Немытою грязной пятой.

Откинув былые сомненья,
Скажу всем; «Воскреснет пята.
Воскреснет твоё невезенье
И ты – раб душой навсегда».

Шепнувшим в ответ вслух мегерам:
«Писать бы тебе о любви»,
Как сёстрам, раздам им по серьгам:
Не хочешь поймать – не лови...

Возможно, под пыткой я смею
Поверить во всё... говорят...
Увы, рефлекторные дуги
Пи (ы) тает болючий разряд...

10.02.2017 г.

Я не гадаю...

Я не гадаю. Это глупо —
Мешать все мысли в зеркалах.
Я не гадаю. Это скупое —
Все свечи сжечь. И кофе – в прах.

Я лишь люблю. Люблю Природу.
Ведёт бок о бок по судьбе.
Себя услышишь чрез невзгоду —
Подхватишь Солнца луч на дне!

На дне бессмысленных волнений,
На дне горячечном в бреде,
Откинув зёрна сожалений,
Я не гадаю... Я иду.

Всё узнаем мы после...

Говорят – там свобода
И летаешь в раю.
Только мне неохота.
Вам свободу дарю.

Говорят, что там – счастье.
Это здесь на устах:
На земле – раб иль мастер,
Ангел – будь в небесах.

Говорят – станет лучше.
Говорят мудрецы:
Здесь останутся мощи
И колючи венцы.

Там – восторг на лебяжьих
На крылах, нет утрат.
Что, мудрец, тебе страшно?
Захотелось назад?

Что, мудрец, неохота —
Хоть пора в небеса.
Ты намедни работал,
Говоря – там краса.

Ты намедни трактаты
О бессмертье души
Сочинял и богатым
Здесь побыть сам спешил.

И побыть здесь известным,
Исписав пуд бумаг.
Так чего ж ты заплакал
На прощанье? Слабак?

Иль заплакал от счастья —
Что летишь к праотцам,
Умилённый всевластьем
Внеземного отца?

И, готовясь к моменту
(Он – на вечный покой?),
Ты подумал, что лепту
Помышлял бы иной.

Ты подумал... но, впрочем,
Я о том промолчу.
Эту тему – нет мочи —
Доверять палачу.

Всё узнаем мы после.
И всему свой черёд:
Перспективе, что в гости,
Ожидая, ведёт...

05.04.2016 г.

Замела метель дорожку...

Замела метель дорожку.
Туча мечет злобно снег.
А за пазухой у Бога
Не прижился человек.

Променяв Эдемский садик
На ухабы бытия,
Вязнет путник, глохнет рафик.
В нём род, вид и вся семья.

Наметёт метель сугробы.
Туча ссыплет злобно снег.
Надевайте, люди, робы.
Вам работы – на весь век.

Променяли вы безделье.
Сладко не лежалось вам.
На земле же новоселье
Каждый справит по делам.

По делам? ...Кому-то шеи,
Правда, больше по душе.
И имеем, что имеем:

Кто-то фабрику Рошен,

Кто-то Бабушкину крынку,

Кто-то остров, кто-то газ,

Кто-то, спрятавши улыбку,

Всем готовит медный таз.

А метель метёт к порожку

Ненасытные снега,

И под зорким божьим оком

Наставляет жизнь рога.

Нынче, видно, там не видно,

Хоть разверзлись небеса.

Мне вдвойне сейчас обидно,

На Земле – ну и краса!

Немудрёно заплетаю

По снежку свои следы.

Правда, сердцем я оттаю,

Зная, рядом где-то ты...

04.01.2017 г.

Немодная зима

Два ряда свечек-тополей
Пронзают сырость безысходно.
Тоскливы контуры ветвей.
Светает зимний день немодно.

Стряхнут берёзы дождь ночной.
Туман навевет ветер южный,
Цепляя струны проводов,
Тень растворит в ненужной луже.

Зима забыла о себе,
О новом платье сезонном.
Не модна нынче. Мало средств...
Проснёшься с колокольным звоном.

Крещение вспомнишь не своё.
Чужое. О себе забудешь.
Всегда так было. Никого
Своим ты звоном не разбудишь.

Два ряда свечек-тополей
Взывают к небу безысходно.
Печаль, как контуры ветвей,
Серееет. Так, наверно, модно...

На изгибах бытия

Вымещая озлобленность вящую
На изгибах, как есть, бытия
Зарыдала – насквозь я пропащая.
Заподозрила – жизнь не моя.

Прозревала – а судьбы-то пройдены.
Пригляделась – досталась не та
Густотою внутри, стены голые —
Напускное и стыд-нагота.

Зацепилась о край – и порваАлося.
ПорвалОсь – было в моде иль нет.
Порвалось и вконец истрепалось
На изгибах, за давностью лет.

Вымещала, отзлилась, отплакалась,
В закоулках кого-то любя,
Позади меня подленько ойкалось.
А ведь я вымещала себя...

25.06.2016 г.

О, дайте насладиться мигом

О, дайте насладиться мигом,

О, деспот миг, твоя вина,
Что приковал меня веригом,
Родив у самого у дна.

К чужим карабкаться высотам
Иль опускаться к себе на дно —
Такая вот моя забота.
Скользящей цепью всё дано.

И лязгом похвалясь и визгом—
(О, миг тиран, твоя вина)
Меня, родив ты человеком,
Родил у самого у дна.

01.06.2016 г.

В который раз, когда по-чёрному...

В который раз, когда по-чёрному
Мело свинцом, вскипала грязь,
Доверился паскуде-ворону,
Чтобы склевал он. Чтоб пропасть.

В который раз, по полю вспаханный,
Искал себя – похоронить.
Заиндивевший, в грязь заляпанный,

Пытался я умерить прыть.

Порой стонал, порой не чувствовал,

Порой в раю, порой в аду.

Иных судил. Иных напутствовал.

С иным – в чистилище иду.

В который раз, когда всем поровну

Пытался разделить кусок,

Склевали. И клевали вороны

Уже пустой мой тусок...

11.06.2016 г.

Ты – мой спутник, не видимый...

Ты – мой спутник, не видимый никому.

Моя песня, звучащая только мне.

Твой запах – одна лишь я вдохну.

Видимо, не на земле мы живём, не на земле.

Ты будешь всегда мне близок и очень далёк.

Ночь превратишь в день, если я захочу.

На забытых планетах нас преследовал земной рок.

Словесным потоком пробегусь я навстречу тебе

По ручью. По земному ручью...

13.03.2016 г.

Бродит свет по миру одиноко...

Бродит свет по миру одиноко,
Протянув лучи навстречу снам.
Видно, тяжела его дорога,
Беспробудны мы к своим богам.

Бродит мир по свету одиноко.
Предложив себя, как светоч, нам.
Видно, что трудна и зла дорога:
Безразличны мы к его дарам.

09.12.2015 г.

Да над землёй летели облака.

Да над землёй летели облака,
Касаясь чёрными крылами пыльной длани.
По ней текла кровавая река
Из всех сердец, polegших в поле брани.

Да над землёю выли ветер, а
Пугая чёрным смерчем души неимущих.

По ним прошла жестокая пора
Из всех столетий и столиц могущих.

Да над землёй струился сатана,
В обличии божественного ангела крутого.
За ним пошёл народ. И лишь одна
Любовь застыла в ожидании святого.

21.07.2015 г.

Палач

Стоит, надвинут капюшон.
И руки на груди скрестил.
И ждёт, когда последний стон
Исторгну из своей груди.

Стоит, глядит в мои глаза.
Поддержки нет, участие есть.
Я рвусь на части. Как гроза
Всевластен провиденья перст.

Стоит, надвинут капюшон.
Я вижу сад, цветёт розан.
Прощенья не подарит стон
И не прочтут в моих глазах...

05.01.2017 г.

Чёрный Ангел

Я тебя увижу в темноте,
Ангел мой, ведь ты чернее ночи.
Полетим навстречу мы мечте.
К той, что мне однажды напороочил,

Ты меня на крыльях отнесёшь,
Повинуясь нужному потоку.
А по телу – крупно дрожь, дрожь, дрожь
В полном подчиненье року.

Мне с тобою даже свет не нужен.
И препятствия все отведу душой.
Свет ли тьме иль тьма ли свету служит,
Ведь спокойна я с тобою, Ангел мой.

И когда в рассвет меня вернёшь ты,
Расставаясь до ещё одной мечты,
Мне надежду даришь добродушно,
Не земной, не здешней красоты.

Лишь тебя я вижу в темноте,
Ангел мой, Мой Чёрный Ангел Жизни,
Что радеет о вполне земной мечте
И энергию вдохнёт и ярко брызнет

Света между чёрных бархатных крылов.
И, прощаясь, голову мне вскружит:
Напиши мне благодарных пару слов.
Свет ли тьме иль тьма ли свету служит...

21.12.2016 г.

Отдай себя на самосуд

Отдай себя на самосуд.
Означь по пунктам обвиненья.
Как неудачно выбранный маршрут!
Казнят нутро приливов пренья.

Накрыло проклятой волной.
Замкнуло мысли вкруговую.
Пойдёшь, вернёшься за собой.
Суди себя, пока живую...

Развлекаемся – каемся

Развлекаемся – каемся, каемся.
Мы грешим. Нам грехи отпусти.
С церкви выйдя, опять чертыхаемся.
На молитве бы въехать всем в Рай.

Но молитвой живём мы не читанной.
Или читанной, да не поняв,
Что прошепчет нам скромно невидимый
Ангел, плечи слегка приобняв.

Пробираясь сквозь яркие речи,
Сквозь поклон и тарифы на смерть,
Разве чёрт задувает все свечи,
Им не дав до конца догореть?

Развлекаемся – каемся, каемся.
Гонит страх нас под купольный свод.
Во миру-то зачем снова маемся? —
Потеряли незримый восход?

Запрягут, а потом запрягаемся.
В круговерти Библейских страниц
Заблудились совсем и теряемся:
Вверх взлетать или падать на ниц.

Что-то часто, однако, мы каемся.
Ну и как без молитвы прожить,
Если суть их: всю жизнь развлекаемся,
Чтоб себя от греха откупить.

Так, частенько, однако, мы, каясь
(Без молитвы нельзя нам прожить)
И на бал к сатане наряжаясь,
Платье станем у Бога просить...

Жизненный путь не займёшь у другого...

Жизненный путь не займёшь у другого.
Смело вперёд. Не робей.
Сколько бы ни было тропок найденных,
Каждый пойдёт по своей.

Ничто не изменишь? Изменишь, ...поверьте!
Выбор за каждым (а путь недалёк)
Мимо ль пройти или сразу заметить
Место, где счастья горит огонёк.

Стихотворение написано в соавторстве с дочерью Юлией

Успокою я всех, кроме сердца...

Что такое с тобой приключилось?
Ты сегодня серьёзна, тиха.
Почему вдруг сердечко забилося?
Так стучатся, когда в холода,

В дверь стучится прохожий случайный,
Убегающий прочь от мороза,
Так рыдает ребёнок просящий,
Так трепещет беспечная роза.

Помогу я прохожему, чаем
Напою, у камина оттаю.
Защиту беззащитную розу
И дитя на руках укачаю.

Успокою я всех, кроме сердца
Своего, что озябнет от раны,
И зальёт алой кровью потешной
Роскошь жадных и нищих обманы.

В жизни много дорог...

Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок.
С. Есенин

В жизни много дорог.

Я хотела б пройти
Той, где меньше тревог.
Где любовь по пути.

Но в отмеренный срок
Напетляюсь я всласть.
Нет того, кто бы смог
На прямую попасть.

Если б каждый сумел
Слышать, что хочет Бог,
Ошибаться б не смел,
Не искал бы дорог.

Был один бы прямой
Тракт, широкий такой.
Наш и ваш, мой и твой.
Поместимся гурьбой?

25.01.2017 г.

Земля... здесь райский уголок...

Земля... здесь райский уголок.
Но данный факт остался тайной.
Здесь все имели б всё и впрок,

Каб не сложилось случайно:

Желанье избранных – закон,
Хоть избирательно избранье.
И многих просят, просят вон,
На самосуд, на бичеванье.

Каб не сложилось ещё?
Желанье каждого – святое.
И на желаньях ты возвращён,
А остальное всё пустое.

Земля... здесь райский уголок.
И стала б для тебя на время,
Лишь по углам бы не волок
Куски от Рая... вздорно племя!

Осколки Рая – это Ад.
И пусть богач ты офигенный,
За упокой дадут под зад
Пинок. Пинок один не тленный.

Единство Рая – как постичь?
Земля... здесь райские угодыя.
Но придержу свой бравый клич,
Живя средь чёртова отродья...

06.04.2017 г.

Кто ты...

Кто ты, идущий со мной по тропе?
Кто я, спешащий навстречу судьбе?

Задан вопрос и получен ответ.
Так я узнал, что меня больше нет.

Эй ты, послушай, мой друг дорогой,
Нужно вернуться мне, знаешь, домой.

Я хорошенько тебе заплачу.
С ног до макушки озолочу...

Тот, кто со мною шёл рядом, Бог мой,
Тихо шепнул, что идём мы домой.

Тихо шепнул и растаял во мгле.
Я же остался один на тропе.

Волен вернуться, но шаг мой – вперёд
До ожидающих в терем ворот.

Вот наваждение, ведь я здесь живу...
Кто же шёл рядом, никак не пойму.

02.03.2017 г.

Не согрешивши – не покаешься...

Не согрешивши – не покаешься.
А согрешив ещё не раз.
Не за раскаянье цепляешься,
За крест. За крестик —хризопраз.

И в исступленьи нацелуешься
Во искуплении греха
Его ступней. А после дуешься.
Ну почему жизнь так плоха,

Несправедлива, неотзывчива.
Толкнул тебя во смертный грех
Один никчёмный, неуживчивый,
Один пропащий человек.

А ты ни в чём не виноватый ведь.
А ты пушистенский такой.
И кто же думать мог в твой адрес сметь,
Что собственной своей рукой

Ты углубляешь необъятную,
Зияньем полную, дыру.
Молитву прочитаешь складную,
Махнув рукой – так ведь помру.

Не согрешивши – не покаешься.
Есть на последок что сказать:
Зато не стану вечно маяться,
Что не успел зацеловать...

07.02.2017 г.

Никогда не быть мне той, что прежде...

Никогда не быть мне той, что прежде...
В прошлое – дорога на замке.
Не осталось места ни надежде,
Ни рисунку на речном песке.

Льну к пейзажу сникшею берёзой.
Ветви долу низко опущу.
Завтрашнюю жизнь метаморфозой
Из вчерашнего сегодняшним мощу...

15.04.2017 г.

Умирающий лебедь. Навеяно музыкой Сен-Санса.

Уже ль не лебедь я?

Так хочется взлететь —

А силы покидают крылья.

Так хочется ещё пожить —

Взгляд молит. Молят руки.

Кого молить? —

Кругом одни потери и разлуки.

Был белый свет.

Голубизна небес, озёрной глади —

Вдруг всё потемнело,

Тумана пелену не превозмочь.

Бывало разве, что б с рассветом

Я встречала ночь?

В покое бледном лилии заснули,

Какая наступает тишина,

И нет уже безумной боли...

Исчезли безутешные желанья...

Рубин в израненной груди

Не причиняет мне страданья!

Душа трепещет, покидая тело,

Которое становится всё легче.

Но почему вслед за душой

Оно взлетать не захотело?...

Взмахну крылом
В последний раз.
Закройте занавес скорее,
Я навсегда улетаю от вас...

2014 г.

Правда колет...

Прежде были.
Нынче нет.
Не могилах
Наш портрет.

Крышу крыли.
Да вразброд.
И запили.
Не везёт.

Не ценили,
Что в руках
Что осталось,

То в бегах.

Разбивая зеркала,
Задрожали.
Что ль пора?

Выли ночью
На луну,
На неточность.
На страну.

Крыли матом
Площадь,
Под собратом
Накладя.

Рыб поймалось
Ровно три.
Расплескалось,
Что внутри.

Заграбастал
Их один
Пастырь.
Хватит до седин.

Прежде был он.
Нынче нет.
На могиле
Лишь портрет.

Развращались
До зари.
Возвращались
Упыри.

Планку ниже
Опусти.
Нам же выше
Не расти.

Правда колет.
Ложь в цене.
Море крови
На войне.

Оглядись-ка:
На войне
Ты вдвойне
Сейчас в цене.

12.02.2017 г.

Уже готовлюсь исповедать...

Уже подводятся итоги
Предначертанием дорог,
Которые топтали ноги,
Мотая жизни краткий срок.

Уже готовлюсь исповедать
Руке покорную главу,
Чтоб легче было переехать
Из мира, где пока живу.

Мир этот с радостью оставить
Под силу стойким чудакам,
Привыкшим на ходу подправить,
Но не любившим тарарам.

Уже подводятся итоги.
Молитвы разучить мне, что ль.
Вчера я промочила ноги,
Доколь мочить ещё? Доколь?

Уйду...

Меня не оценили здесь.

Уйду в края иные.
Туда, где не кирует спесь
И головы пустые.

Туда, где не влечёт толпу
Мечь, крест и жажда крови.
Туда, где лесьть подальше пну
С парнаса пустословий.

Как фанатичен сей каприз.
Позывы идеальны.
Ведь знает верх, что там, где низ,
Идут бои без правил.

Песок в часах переверни.
Перетекают плавно
На дно эпохи наши дни.
Хоть с нами бог, бесславно.

И лишь оценят меня там
В созвездье звездопада,
Когда, мелькну на зависть вам,
Поймёте, что так надо...

26.02.2017 г.

Я хочу уже вернуться...

Я хочу уже вернуться.
Нынче ждёт меня дорога.
Я хочу опять разуться
У отцовского порога.

Сколько лет ни ожидает
Вдалеке от мест родимых,
Столько зим не покидает
Грусть – печаль молитв глубинных.

Я хочу уже остаться.
Но зовёт меня дорога
Обтесаться, поскитаться.
Подожди ещё немного.

На дороженьку присяду
На скамейку у подъезда.
«Отче наш» я трижды кряду
Прочитаю... и поеду...

14.02.2017 г

Навстречу солнцу по дороге...

Навстречу солнцу по дороге
Среди кустов, пожухлых трав,
Хромая, волочим мы ноги,
Промокшие в пыли забав.

Навстречу солнцу, опуская
Глаза в росу. Так слепит ведь!
Бредём, бредём мы, словно стая
Зверей замерзших. Гонит смерть

Её дыханье ледяное
Прочь от ночи – навстречу дню.
Навстречу солнышку. Не скрою:
Хоть один лучик в ад возьму...

5.10.2015 г.

О, высь божественных начал...

О, высь божественных начал,
Прими нас грешными без веры.
Даруя нам земной причал,
Не ошибись с весами меры.

Чем грешен тот, кто не постит
Лишь в дни особых очищений?

Чем грешен тот, кто не гостит
В плену у бранных искушений?

О, высь божественных начал!
Тобой любуются не каждый.
Лишь тот к тебе в душе воззвал,
Кто испытал духовной жажды...

Глядела дева злобно на луну... Басня-притча

Глядела дева злобно на луну.
А та ей молча отраженье отсылала.
Кричала дева громко в вышину:
Что ты, старуха, злобно мне сказала?

Луна, напуганная дерзостью такой,
Назад ступила. Спряталась за тучи.
А дева, яростно взмахнув рукой,
Вослед – шаг и ещё один, другой...

И сорвалась с высокой кручи.

15.01.2016 г.

Я Ей молюсь...

Я Ей молюсь – стоя пред образами.
В них неба синь купается в реке.
Я Ей молюсь, стоять могу часами
Иль с грузом лет, иль сбросив, налегке.

Я Ей молюсь – усыпана рассветом
С наивных детских до преклонных лет.
Я так живу – от снега до букета.
Природа! Не ветшает твой Завет!

15.12.2014 г.

Библейский круговорот

Круговорот библейский был,
Но вскоре Он воскрес, а ты забыл.
Что, углубляя каждый год
Тот безудержный оборот,
Тревожа раны неизбежно,
К нему относишься небрежно.
Он – человеком стойким был.
Хоть в памяти у нас воскрес, но вечного
Покоя ждёт, как ты, который,
Втянутый в Библейский хоровод,
Не к повторению, к покою всё идёт, идёт.
Но не прийти тебе к покою,

Пока Его спокойствие – нам всем чужое,
А это ведь подобно чистому разбою...
Его ты тело ешь и кровь его ты пьёшь...

И как идти нам всем вперёд,
Не разорвав цикл-хоровод?
Представь, что Он – прообраз твой
И каждый год тебя все предают и пнут:
Сценарий войн,
А Он в нём – Ты... воскрес ли после столькой маеты...?

Бессмертие

Бессмертием полны мечты адепта.
Мечты пустые. Словно сон во сне.
И внесена, как клейкой лентой, лепта
Во грёзы – свет в чужом окне.

Надрыв от вер – разочарованье
В конце земного торжества.
И будет биться до отчаянья
За жизнь, которая в надежде на бессмертие
В безмолвии прошла.

2014 г.

Всё так же...

Всё так же щебечут птицы
Всё так же цветёт сирень.
Насквозь отрешённые лица
В такой же промасленный день.

Всё то же рассказано было.
И песни поются всё те.
Я впереди всё забыла.
И ничего – позади...

Прочтут в ускоряющем темпе.
В могилу спешат – на пожар —
Меня уронить грудкой пепла,
Местечко поставить под пар.

Всё то уж рассказано было.
И песни поются всё те.
Я впереди всё забыла.
И ничего – позади...

10.09.2016 г.

Снится сон

Мне каждую ночь снится сон. Страшный очень.
Я камень огромный. Вода меня точит.

По каплям удары. И звонкое эхо
Под сводом пещеры разносится смехом.

В плену безысходности горькие вздохи.
Летучие мыши. Их жалкие крохи

Ласкающей тьмы шелестящим крылом
Во сне убаюкают тающим сном.

10.10.2016 г.

Ей жизнь, что ли, стала не в радость...

Девчонка пишет о смерти.
Ей жизнь, что ли, стала не в радость
Но, к счастью, смертельные дверцы
Сыграют с ней малую шалость:

Они перед ней не откроют
Ни тайн, ни предчувствия смерти.
Расстроят бедняжку, расстроят...
Прошу вас, ей, люди, не верьте,

Что смерть нас срывает, как будто
Цветы для букета. Иль косит.
Она – раскалённое трута,
Нас выжжет – сорняк в огонь бросит...

22.05.2016 г.

Ёмким шмоном скатилась под ноги звезда...

Ёмким шмоном скатилась под ноги звезда.
От мозгов до пяты Ахиллеса
Замыкая и рвя провода, провода
В глине-тесте второго замеса.

На разрыв, на изгиб и на воющий рёв
Проверяя сирену желаний,
Топором разрубая поленницы ртов.
И пилой – по стезе оправданий.

Ёмкой дрожью за шкирку встряхнут.
Омовением – в чан, тоже ёмкий.
Сутидохнут. Желанья – не мрут.
Наркота. После – тяжкие ломки.

18.03.2016 г.

О, Мать матерей...

На хрупкие плечи взвалила.

На нежные руки взяла.

Откуда в ней силушка-сила.

Откуда в ней столько тепла.

Откуда в ней столько надежды

На лучшую долю свою.

И светлы, и чисты одежды

Её, хоть живёт не в раю.

Всё выдержит – беды и радость.

Всё вынесет – правду, и ложь,

И горечь обиды, и сладость

Несбыточных тающих грёз.

Украдкой смахнёт свои слёзы,

Улыбкою лик осветит.

И души согреет в морозы,

Тех души, по ком ад скорбит.

Из нас каждый сможет ведь тоже

Честней всех и искренней стать.

И страхи тогда переможет,

Которые призваны лгать.

Пусть каждый из нас Ей поможет.
Утешит, облегчит стезю.
О, Мать Матерей, светоч Божий,
Тебе эту песнь я пою...

26.07.2017 г.

Терзает душу неохота...

Терзает душу неохота.
Желаньям говорю я: Нет!
Хотелось мне когда-то что-то.
Имела и клала в буфет.

Теперь забитые все полки.
Наследством или барахлом?
Там есть цыганские иголки
И даже старый ржавый лом.

Терзает думы неохота.
И мыслям новым ходу нет.
А было в них когда-то что-то.
Остался лишь один секрет...

30.08.2017 г.

Благословляю вас, друзья...

Благословляю вас, друзья
На подвиг. Подвиг ратный.
Чтоб правдою жила земля
Колосьями богата.

Благословляю вас на смерть,
На жизнь благословляю.
Коль не судьба вам умереть —
Пожить в счастливом крае.

Мы женщины – надёжный тыл.
Но если будет надо.
О, друг, ещё ты не забыл,
Как встала в строй солдатом...

30.07.2016 г.

Бегу, взлетаю, пробую крыло...

Бегу, взлетаю, пробую крыло
Над разморённой ото сна Землёй.
Гляжу: дрожит Хароново весло,
Пронзая воды Стикса подо мной.

Кружит, кружит змеёй водоворот
Пред перевозчиком погибших душ,
Кого-то увлечёт в пучину вод,
Не доведёт до Адприбрежных куц.

Бегу, взлетаю, пробую крыло.
Взрывает воды Стикса гейзер. Глянь:
Душа, что опустилася на дно,
Себе сказала: Ну-ка, встань!

09.11.2015

Я вся – природное явление...

Я вся – природное явление,
То буря, то гроза, то штиль.
Все говорят, что Бога я творенье.
Спасибо, придаёт мне сил.

Я вся – природное явление,
То радуга, то солнце, то луна.
И жду Его благословенье,
Но нет прекрасней жизни сна...

Как бабочка на огонёк...

Как бабочка на огонёк —
На свет в конце тоннеля
Лечу, лечу, встречай, мой Бог...
Нелепая затея.

И вот останками крыла
Машу, машу и знаю,
Какой же светлой жизнь была.
Встречаю тьмы я стаю.

Как бабочка на огонёк...
Ослеплена, обожжена...
Свет. Красен уголёк.
Исход. Вокруг стена.

22.09.2016 г.

Путник

Теплом занавешенных окон
Согреется путника взгляд.
Дождь, сырость. Наш странник промокнет.
Стучит во все двери подряд.

Да кто ему только откроет?

Напуганы скверной молвой,
Что, дескать, кругом только воры.
А путнику бы на постой.

Укрыться в уют тёплой печки.
Стучит во все двери подряд.
Там в красных углах горят свечки.
Святые с иконок глядят.

И путник идёт молча дальше.
И путник идёт за село.
Жалея: пришёл бы он раньше,
Когда ещё было светло...

10.01.2019 г.

Идём мы не к вершине. Нет.
И бога нет и ада нет.
И нет чертей и рая.
Мы в это всё играем.

Нас рассечёт дамоклов меч.
Его поставили стеречь
У каждого порога.
Той ниточки немного...

Проза

Снимите меня с креста

Пролог

И был в глазах моих испуг,
Когда глядела, как распятый
В стенаньях человеческих мук
Смотрел в лицо мне, бородатый.

Взор опустила – слышен хрип.
Смотри. Смотри же! – разрешила.
Лишь подавила в горле всхлип.
Гляди. Гляди же! – так решила:

Пусть я умру в твоих глазах,
В зрачках, расширенных от боли.
И буду я на образах,
В окладах, на крестах, в неволе.

Хоть сверху Бог или Аллах,
Доколь терпеть тебе... доколе?

Перед тобою я в слезах,
Как отраженье твоей доли.

Внизу колышется толпа
Людской рекою вожделённой
Вокруг креста, вокруг столпа
Людской рекою невлюблённой.

Твои я раны залечу
Нерукотворной плащаницей.
А палачей предам мечу,
Мечу любви в моей деснице.

Прошёл в глазах моих испуг.
Смотри. Смотри же, как с улыбкой
Тебя сниму с креста, мой друг,
Признаю пытку не ошибкой.

Признаю злом. Злом, злом,
Тем, что жестокости обучит,
Чтоб негодных всех потом
Вот так же мучать, мучать, мучать.

К нам опускаясь на луче
В лучах рассветных не распятый,
Ты не скупись для нас речей,

О, мой учитель бородатый.

Хоть не затмишь собой поток,
Идущий из глубин вселенной,
Ты в образах, мой друг, пророк,
А я – оклад второстепенный.

Ты мне однажды приказал,
А я послушаться не смела,
Когда глазами всё сказал.
Вперёд же, приступай. За дело.

Глава 1

В приходе, куда после окончания Тамбовской духовной семинарии прибыл нести православное служение, чтобы прививать христианские ценности местному населению, молодой отец Павел с супругой Ириной, происходили странные события. За последние пятнадцать лет сменилось пять батюшек. Двое с семьями, оставив всё имущество, отбыли внезапно в неизвестном направлении, двое – повесились, один – утонул.

Получив напутствия и укрепившись в вере, готовый сражаться с самим дьяволом, молодой человек рьяно приступил к исполнению нелёгких обязанностей...

Селение, где предстояло нести православный крест семье новоиспечённого священника – проживать и трудиться во славу Господу Богу, – являло собой старинную, коими изобилует русская земля, забытую властными структурами всех уровней глубинку, радующую взоры поселян резным ажуром наличников и расписными, в петушках, ставнями.

Все заборы были выкрашены одинаковой ярко-зелёной краской, завезённой однажды в местный сельмаг, правая половина которого предназначалась для промышленных изделий, а левая – для продовольственных товаров.

Не менее старинная деревянная церковь, сверстница села, гордо возвышалась на высоком берегу извилистой речки, в положенные часы оглашая округу на многие километры малиновым звоном надраенного до нестерпимого блеска колокола; по неведомо чьей прихоти возведён был храм не в центре поселения, как обычно принято, а на отшибе.

Приход был невелик. Молодёжь активно уезжала в город и не баловала родные пенаты своим присутствием даже летними погожими днями.

Живописное место привлекало, разве что, редких любителей уединиться: заядлых грибников и рыболовов.

Старики, умирая, покидали покосившиеся бревенчатые хибарки и переезжали поближе к церкви, за увитую хмелем и жимолостью кладбищенскую ограду, чтобы под светлыми кронами деревьев наслаждаться вечным покоем и трелями лесных пичуг.

Кладбище располагалось шагах в пятистах от церкви, в полутенях белоствольной берёзовой рощи, а на полпути от церкви до дощатого сарайчика, притулившегося на самой окраине села и служившего одновременно молодёжным клубом, домом культуры и кинотеатром, находился небольшой уютный домик, где и поселились Павел с Ириной.

После года несения службы батюшка Павел стал отцом прелестной крошечной дочурки, в отличие от светлоглазых и русоволосых родителей рыжеволосой и кареглазой. Супруги списали данный факт на дальнего родственника по материнской линии. Назвали девочку Еленой, Леночкой, Ленисей.

Семья молодого отца почти ничем не отличалась от большинства других молодых семей: скромный быт, бессонные ночи у постели малышки, шквал ежедневных забот.

До рождения ребёнка Ирина пела в церковном хоре, состоящим из двух голосистых певуний, которым сама и руководила. После родов жена попа всецело посвятила себя дочери. В редкие свободные часы занималась разведением цветов и небольшим подворьем.

Священник же пристрастился ловить рыбу и раков, которые в изобилии водились в чистой речной воде, питаемой в пяти километрах выше по течению родниковыми источниками, освящёнными, признанными целебными и посещаемые паломниками.

Раз в неделю, нагрузив рюкзак пластиковыми бутылками,

отправлялся Павел за святой водицей. Иногда его подвозили на лодке, но чаще он шёл пешком вдоль берега, цепляя на одежду колючки и репы.

Службы велись им с превеликим удовольствием и усердием. Они – его любимая работа, любимое занятие и неотъемлемая часть жизни. В Бога верил искренне. Но было одно, что Павел исполнял из рук вон плохо.

Когда приходилось ему исповедовать, он краснел до корней волос, отводил глаза и разглядывал облупившуюся на стенах краску. Румянец настолько ярко окрашивал нежные щёки батюшки, что исповедующиеся, особенно те, что моложе, сами начинали смущаться. В итоге Павел перестал задавать вопросы, исповедь превращалась в короткий или длинный монолог в зависимости от желания выговориться и красноречия его автора, и когда последний выдыхался, заканчивалось таинство. Павел машинально отпускал грехи.

Так в круговерти житейских хлопот и круговороте Библейских страниц пролетело четыре года. И, казалось, закончилось повисшее над приходом проклятие...

Глава 2

Опять тот же сон! Павел проснулся затемно. Чтобы не разбудить жену, тяжело посапывающую рядом, принудил себя лежать тихо, хотя левая рука затекла и ныла. Усиливающие-

ся неприятные ощущения заставили Павла начать осторожно двигаться, растирать и пощипывать не затёкшей рукой кончики пальцев, ладонь, локоть, поднимаясь выше к плечу и шее.

Он снова видел тот же самый сон, который стал регулярно тревожить мужчину сразу после Пасхи!

Хриплый голос взывает:

– Сними меня. Сними меня с креста.

Звонкий голос вторит:

– Я иду. Потерпи немного. Я тебе помогу.

Очертания двух силуэтов.

Один – высоко на кресте – мученик, истекающий кровью и жизнью.

Другой – идущий навстречу первому – поднимается по узкой тропке в занимающихся лучах невидимого Божества.

События каждого последующего сна в убыстренном темпе прокручиваются с самого начала и продолжают сон предыдущий, приближая спасителя к страдающему.

Сегодня два человека находились друг от друга почти на расстоянии вытянутой руки.

Нарушенное кровообращение заставило батюшку придумать. Вообще-то на кресте Христа по Писанию уже давно нет. Снят и точка. Разве что, помянут в отношении него орудие казни в предпраздничные весенние дни и довольно.

Кто же тогда висит на нём, просит, умоляет? Больно, ой, как больно ему! Павлу сейчас тоже неприятно испытывать онемение попеременно с мурашками и нытьём в плече. А каково распятому? И каким образом спаситель снимет мученика с креста, если под рукой ничего подходящего нет: ни лопаты, ни какого иного приспособления?

Поймав себя на мысли, что рассуждения принимают греховный оборот, далеки от заученного и отдают, в нарушении всех канонов и данных обетов, ересью, Павел заёрзал. Не найдя в себе сил лежать более, аккуратно вылез из-под одеяла, встал с кровати – так, что чутко спящая жена не проснулась: несколько часов назад вставала, чтобы успокоить плачущую малышку, поэтому сейчас не слышала ничего, только повернулась на другой бок. Кроватка дочки стояла рядом с супружеской кроватью со стороны жены.

Павел накинул на себя байковую рубашку, влез в спортивные брюки, обвисшие на коленях, надел шерстяные носки и тапки, пошёл на кухню. В комнатах холодало. Печь почти остыла. За окном тьма непроглядная. Часы показывали четыре часа. Обычно Павел вставал в шесть – полшестого.

Поёжился, сходил в сени за дровами. Растопил печку. Глядя на занимающийся огонь, попытался отвлечься от сна, но не смог.

Согрел чайник. Есть пока ещё не хотелось. Выпив две кружки горячей воды без сахара, опустил голову на стол и задремал...

Глава 3

– Сними меня. Сними меня с креста.

– Я иду. Потерпи немного. Я тебе помогу.

И вот они рядом, и их уже можно разглядеть во всех подробностях. Из-под ржавых гвоздей сочится алая кровь, расплывающаяся по дереву тёмными подтёками. Сухая пена пузырится вокруг перекошенного от нечеловеческих мук и жажды рта распятого. Волны конвульсий пробегают по измождённому телу того, кому уготована участь вечного мученика.

Другой, в серой хламиде, подпоясанной верёвкой, касается руками обнажённых обезображенных посиневших ступней, щиколоток, обнимает их, целует, обильно орошая слезами пергамент кожи и... поворачивая голову, смотрит прямо в глаза Павлу.

Не ожидая такого исхода, подпрыгнув на табурете, Павел проснулся. Услышал тупой звон будильника, упал на колени и начал быстро-быстро креститься.

Это был он, он, Павел, спасителем распятого Христа, глядевшим самому себе прямо в глаза, отражаясь в них, как в зеркале, а вопросительный взгляд пронизал до самой глубины, которая вдруг дала о себе знать ощутимыми спазмами

всего внутреннего содержания и содержимого.

Прочитав полушёпотом молитвы, которые, по его мнению, были наиболее уместны в данном случае, и почувствовав под собой опору в виде табурета, Павел вновь призадумался. Как в такой ситуации можно помочь несчастному?

Идея осенила готовую взорваться голову незамедлительно. Нужно не покладая рук подкопать землю вокруг креста, потом расшатать его и, взвалив на спину, напрягшись, что было мочи, плавно опуститься на колени, дабы аккуратно положить рядом на землю. Только бы хватило сил!

Скептически оглядев своё округляющееся тело с намечающимся животиком и без тени развитых косых, поперечно – полосатых и иных видов мускулатуры, криво усмехнулся. Такой подвиг ему не под силу. Тяжёлый дубовый крест с Христом придавит насмерть. А кто потом будет вытаскивать гвозди, поить, реанимировать?

Нет, так не годится. Вдруг и впрямь понадобится его мужская сила.

Чем чёрт не шутит!

Нужно бы не лениться и незамедлительно приступить к занятиям спортом, пробежкам; за гантелями, что ли, съездить в райцентр. Сегодня у Павла выходной день – в храме затеян косметический ремонт, а с наблюдением за ним прекрасно справляется на добровольных началах дьячок и звонарь Петруха, в молодости снискавший славу озорного гармониста и ловеласа.

Батюшка решил не откладывать задуманное – отправиться с первым же рейсовым автобусом в город. До остановки на шоссе минут сорок ходьбы.

Пройдя в спальню, тихонечко, стараясь не разбудить дочь, прошептал жене на ухо:

– Мне нужно съездить в город.

Спросонья Ирина только мотнула головой. Скорее всего, она не услышала или услышала, но не поняла, о чём он говорит. Поэтому Павел оставил записку на кухонном столе. Накинул непромокаемый плащ с капюшоном, надел резиновые сапоги – незаменимые вещи в сельской местности, и вышел под морозящий дождь.

Подпираемый верхушками деревьев, тяжело карабкаясь на нескончаемую гряду туч, кособоко и трагично вставал неприглядный рассвет.

Чтобы сократить путь до шоссе, мужчина пошёл лесом, пробираясь по едва приметной тропке и стряхивая на лицо и руки с веток противные разнокалиберные капли. Но здесь хоть можно идти, поскольку не заасфальтированная по сей день автомобильная дорога с осени по весну представляет собой сплошное месиво – справиться с ней могут только трактор да вездеход.

Сентябрь выдался проливным и злым. Колючие дождики сыпали один за другим резко и резво, мучая и без того невзрачную действительность неуютным тревожным барабанным перестуком.

Впереди мелькнула полянка. А немного правее... Павел остановился, пытаясь издали рассмотреть то, что наполовину скрывали сырая пелена и редкий кустарник.

– О, Боже. За что?

На дереве, раскачиваясь, висела собака. Большая собака, очень большая. Или ему так показалось, поскольку Павел никогда не видел распростёртых и подвешенных за шею собак.

Сглотнул слюну, поперхнулся, остановился откашляться:

– Небось, Лёнька с дружками. Тоже мне, нашли развлечение!

Стараясь не смотреть на жертвоприношение, двинулся дальше, но не мог совладать с собой и изредка поглядывал на несчастное животное. В том, что оно мертво, сомнений не было...

Остаток короткого путешествия прошёл без неожиданностей, за исключением одного. Когда Павел всё той же тропинкой возвращался в село, висевшей собаки он уже не увидел. Окинув взглядом землю в радиусе десятка метров, он не обнаружил её и лежащей.

Глава 4

– Что это ты чудишь?

Ирина недоумевающе воззрилась на гантели, эспандер и скакалку.

– У Леночки температура высокая. Я за фельдшерницей

послала, а ты только о себе думаешь. Благо, мимо Лёнька проходил. Как я её одну оставила бы?

Не скрывая раздражения на мужа и озабоченности состоянием дочери, Ирина крепко прижимала к себе закутанную в одеяло малышку.

Вскоре присеменила тётя Глаша, так в селении звали пожилую женщину, окончившую медицинское училище и совмещавшую должности всех нужных медицинских работников, вдобавок разбирающуюся в ветеринарии.

Диагноз был суров – тётя Глаша не смогла поставить диагноза. Она заглядывала то в ротик плачущей девочки, то осматривая её кожу, то мяла животик... и ничего не находила. Температура у Леночки поднималась. Девочка горела, бредила и постоянно просила пить.

Посоветовав молодым родителям отвезти ребёнка в город, тётя Глаша удалилась, расстроено покачивая головой и обещая прислать водителя со старенькой колхозной Нивой – гордостью председателя местного, загибающегося от нехватки рабочих рук государственных дотаций, колхоза.

Время шло ближе к вечеру.

Дождь закончился, оставляя после себя чувство безысходности и нарастающей тревоги.

Вскоре приехала машина. Услышав настойчивый сигнал, Павел поспешно открыл форточку, громко крикнул, чтобы

подождали. Ирина оделась сама, одела хнычущую дочку, закутала её в шерстяное одеяло, и, не доверяя мужу маленькое сокровище, спустилась с дочкой по ступенькам низенького крылечка и пошла к машине.

Вместо Фёдора Петровича, личного водителя председателя, за рулём сидел незнакомый мужчина. Картинно выпорхнув из машины и распахнув заднюю дверь, представился:

– Николай Иванович. Прошу-с любить и жаловать. Фёдор Петрович нынче слегка подшофе, а я – его племянник, значится, буду. Глашенька меня попросила. Вам ведь в город нужно-с?

Разглядывая святое семейство сквозь не уместные в сумерках затемнённые очки, странно подёргивая правой скулой, мужчина улыбался широко – под стать распахнутой машине. Не обращая ни на что внимание, Ирина передала девочку мужу, села сама. Павел отдал ей дочь и устроился рядом с водителем. Перекрестился.

– Ну-с, с Богом.

Павел взглянул на Николая Ивановича. А тот уже с совершенно серьёзным видом подытожил:

– С ним, с ним, родимым. Позвольте-с, я верю в Бога. Что вы на меня так смотрите? Не похоже?

Павел промолчал.

Не успела Нива выехать за посёлок, как дороги не стало. Они не поехали, а поплыли по раскисшему чернозёму, вы-

писывая замысловатые зигзаги. Павел поразился – водитель очень хорошо знал каждый изгиб бездорожья. Смеркалось, тусклый свет фар едва освещал размытую колею, а Николай Иванович в очках с тёмными стёклами уверенно вёл машину, как-то очень деликатно объезжая одному ему известные ухабины да рытвины.

Вытряхнув из протекторов комья грязи о грудку щебня и вздохнув с облегчением, выехали на шоссе. Шедевр российского автопрома поехал чуточку быстрее, а вскоре, мерцая неприветливыми редкими огоньками, их встречал областной городок. Электроэнергию экономили повсеместно.

Заехали в детскую поликлинику. Она была уже на замке. Достучавшись до сторожа, узнали, где находится городская больница.

Всю дорогу Леночка проспала, укачиваемая сначала тряской, потом тихой шуршащей ездой по влажному асфальту.

Глава 5

В приёмном покое больницы их встретил дежурный врач. Осмотрев девочку, он удивлённо покачал головой.

– Вы знаете, я ничего у неё не нахожу.

Померил температуру – она оказалась нормальной. Ирина с Павлом недоумённо переглянулись.

– Может, градусник испортился?

– Счастливого вам обратного пути.

Врач по-доброму посмотрел на молодых родителей.

Совершив очередной кульбит на железнодорожном переезде, выехали за город. Натужно крепившееся пару часов небо наконец-то разразилось проливным дождём. Николай Иванович всё так же уверенно вёл машину, тем не менее, Павла обуяло предчувствие ужаса. Он вцепился в сидение, чего-то ожидая...

Вот оно. Визг тормозов. Перегнавший Ниву автомобиль резко затормозил, и столкновения было бы неизбежно, если бы последний не пошёл бы юзом и не направился прямоков в кювет.

Николай Иванович, казалось, даже не заметил дорожной ситуации и как ни в чём не бывало спокойно, не сбавляя скорости, держался за баранку со всё той же широкой улыбочкой.

– Может, нужно остановиться и помочь людям?

Ирина нервно выкрикнула фразу, дрожа всем телом и ещё сильнее прижимая к себе уснувшую дочку.

В ответ Николай Иванович лишь снисходительно процедил сквозь зубы: «Ни к чему».

Супруги оглянулись. Под ночным осенним дождём занималось зарево пожара, расплывавшееся по мокрым стёклам округлыми оранжевыми пятнами, двоилось, троилось, и больше нечего было добавить к словам, цинично сказанных человеком, от которого, Павел с Ириной очень остро

ощутили это, зависела их жизнь.

Усиливалось впечатление, что поездка длится целую вечность. Где же их поворот? Но его всё нет и нет. Шоссе шуршало под колёсами. Дворники подпрыгивали на лобовом стекле, едва успевая справляться с потоками воды.

Боясь произнести хотя бы ещё одно слово, Ирина закрыла глаза, задремала. Павла тоже укачало. И только Николай Иванович вёз и вёз их куда-то вдаль, насвистывая себе под нос...

Одновременно очнувшись ото сна, Ирина с Павлом как-то странно переглянулись. Они лежали в супружеской постели. Между ними – их Леночка.

Когда дочка хворала или если она капризничала по ночам, то, само собой разумеется, Павел перемещался на диванчик в маленькую гостиную. Рядом с мамой малышка чувствовала себя спокойней и легче засыпала.

Но сегодня, как она оказалась сегодня на их кровати, между мамой и папой, которые никогда этого не позволяли, чтобы во сне ненароком не причинить малышке вреда?

Супруги встали, зябко дрожа от утренней прохлады и от едва не случившейся трагедии. Каждый думал о чём-то своём. Павел отправился в сени за дровами, занялся печкой. Ирина, брызнув в лицо холодной водой из рукомыльника, принялась готовить завтрак.

Молча без аппетита проглотив полтарелки овсяной каши, Ирина вернулась к дочке в спальню. Девочка ещё спала, и у молодой женщины было время обдумать странный сон. Чтобы успокоиться, продолжила начатое накануне вязание. Дочка дышала спокойно и размеренно, умиротворённо причмокивая во сне пухленькими губками.

А Павел пошёл в церковь – подготовиться к службе, помолиться и привести в порядок мысли, навеянные ему ночным видением.

Глава 6

Несмотря на сырость и холод, в маленькой церкви было уютно.

Выдохнув изо рта на руки струйку тёплого воздуха, Павел зажёл лампадку в левом приделе. Став на колени перед распятым Христом, начал вглядываться в его лицо. Явных мук он не заметил, лишь нечеловеческое спокойствие повеяло вечностью.

Лицо мученика – не перекошено от непереносимой боли, а источает умиротворение. «Я такое не перенёс бы», – Павел нахмурился, памятуя о сне, подумал, что непременно нужно съездить в областной центр за гантелями и уделять как можно больше времени занятиям спортом.

Может, спокойное выражение лица мученика ошибка иконописцев? Они же не представляли себя на месте распя-

того, как, впрочем, вообще не видели ни одного распятого.

А может, Иисус просто устал страдать, впал в кому. Но при таком виде казни смерть не наступает настолько быстро, как хотелось бы распятым, и даже в бессознательном состоянии внешний вид отражал бы страдания – совсем как в том его сне.

И вот ведь напасть!

Унять греховные мысли не предоставлялось возможным. Они текли и текли, пропитывая тёмными пятнами душу священнослужителя.

Святое распятие, православное распятие. Павел вдумался в эти понятия, в звучание привычных слов и фраз. Когда Христа приговаривали к казни и когда распинали, мало кто мог представить, что тем самым Иисусу уготовили участь святого, воскрешение и поклонение.

Право, правда и слава. Чьи? Было ли у Христа право на распятие? Такое право заслуживают преступившие закон. А что он преступил? Беззакония?

И ведь рядом с ним, наравне с ним распяли разбойников. Или, может быть, его заодно с ними? Получается, что закон с беззаконием ходят рука об руку? С какой стороны посмотреть и в зависимости от того, кто смотрит.

Правда... Да, он пострадал за правду и за истину. По крайней мере, их так учили.

Слава? Чья? Его, Христа? Но он разделил свою участь

с теми, кто нарушил устои человеческого общества, оказавшись сброшенным на один уровень с негодьями, о которых, однако, не забывают упомянуть при каждом удобном случае. Святого и праведного человека поставили вровень с убийцами, ворами, всеми теми, кого приговаривают к распятию. Верней, опустили к ним на дно. Распятие и прочие виды смертельных наказаний не должны быть уделом честных людей.

Но вот – стало? Православное распятие... дало Христу право на вечную славу. Хотя обрекли его на смерть люди. Сами люди, которым не было дела до того, воскреснет Он или не воскреснет. От самых верхов до черни – никто не интересовался Его судьбой.

Злорадствовали, наслаждаясь жестоким представлением, взвалившие и до сих пор навалом валящие на Него свои кресты в виде исповеди и отпущения грехов.

Кто-то громко зашептал над самым ухом Павла:
– Да не должен ты отпускать грехи. Кто позволил? Грехи не отпускаются и не замаливаются! Они искупаются поступками.

Батюшка оглянулся – никого. С ума, что ли сходит? Пока, кажется, нет.

Но шёпот продолжился, шипя змеёй:
– Никому же неохота нести такое тяжкое бремя! Совесть-то, она, хоть и подспудно, но у каждого теплится ис-

коркой. Малюсенькой такой искоркой.

И дошло!

Совесь, вот искру чего он, оказывается, просто обязан был раздувать.

Впрочем, кресты-то, тяжёлые такие, дубовые, люди сами на себя добровольно взваливают, но всегда хотят переложить с больной головой на здоровую...

Нет. То, да не то... Так распорядился Его Отец, Всевышний!!!

Он же и воскресил Его.

А можно ли воскреснуть, не будучи распятым?

Получается, что, следуя Христианским канонам, нельзя? Сначала нужно проповедовать что-то праведное, к чему никто прислушиваться не хочет, чтобы это деяние признали незаконным и обрекли на смерть, мучения, воскрешение, поклонение, на вечное распятие, хотя с учётом ежегодных инсценировок на распятии находится Иисус не более трёх суток в году.

Так это и с ним, Павлом, могут поступить аналогично, если станет усердствовать.

Хорошая перспектива, однако!

Тёмные пятна в душе поплыли перед глазами тёмными кругами.

Путаница в представлениях приобрела угрожающие размеры, но остановиться Павел не мог.

Православное распятие – образец того, как распинают за правду, за истину?

Чтобы выпутаться из поймавших его сетей, Павел попытался помолиться, но молитвы не шли на ум. Он возвращался к тем тревожным снам и продолжал размышлять.

Если на распятие Его назначил Его отец, то . . . Павел представил себя на месте Всевышнего, – тот факт, что он, Павел, смог бы пожертвовать своей единственной дочкой, не привёл отца земного ребёнка в восторг. Скорее Павел пожертвовал бы собой, перенеся незаслуженные унижения, чем отдал бы на поругание плод своей любви, возвышенной земной любви, очарование которой несравнимо ни с какими иными благами.

Кощунство так думать?

Тёмные пятна в душе и круги перед глазами превратились в свору чёрных кошек, которые тут же принялись точить коготки о натянутые нервы.

Но молодой батюшка и на этом не закончил свои греховные рассуждения.

Кого же он любит сильнее? Разве можно выбирать между Богом и близкими родственниками? Ирина и Леночка – в них смысл его жизни.

Если с ними что-нибудь случится, не дай Бог, конечно, вот тогда Павел всецело посвятит себя тому, существование которого не отрицает и которому верит искренне, на чью защиту уповает.

Павел и молится-то в первую очередь всё больше о здоровье жены и дочери. Они нуждаются в его заботе, в его мужском надёжном плече.

С такими молитвами он ложится спать и встаёт рано утром.

С такими молитвами просил и просит хранить своих родных.

По-другому молодой батюшка не мыслит.

Просить у Творца... как попрошайка...

Последняя мысль Павлу не понравилась, но ведь многие просят то, чего сами в состоянии добиться.

А он сам разве не мужчина? Нужно всё-таки съездить в город за спортивными принадлежностями.

Глава 7

– У Ленки вашей температура, батюшка Павел.

Задорный мальчишеский голосок колокольчиком прозвенел под невысоким сводом.

Лёнька – местный хулиганистый паренёк, переводя дух от быстрого бега, уставился в первую попавшуюся икону и стал её разглядывать. Порог церкви он переступил самостоятельно первый раз после своего крещения, события, десять лет назад возвестившего громкими воплями о приобретении ещё одной души к христианским обрядам, но, отнюдь, не к ценностям общечеловеческим, по причине несо-

блюдения взрослеющим мальчишкой элементарного уважения к чужому имуществу.

Лёнька мог запросто залезть в чужой огород полакомиться свежей клубникой или малиной, за что бывал неоднократно бит своей матерью, рано овдовевшей гулящей женщиной. Особое удовольствие ему доставляло воровать в открытую – заходил в чужой огород через калитку и на крики хозяев отвечал зловредной ухмылочкой.

Повлиять на него не мог никто: ни участковый милиционер, дядя Вова, ни учительница крошечной средней школы, все возрастные категории учеников которой вольготно размещались в двух классах, Любовь Ивановна, ни уж тем более мать.

Павел вздрогнул, окинул церковь внезапно помутневшим взглядом.

– Дядь Паш, а можно мне здесь побыть?

Две черносливины лукаво блеснули из-под густых бровей.

Павел не мог отказать мальчишке в такой неожиданной просьбе, всецело уповая на то, что в святом месте подросток будет вести себя подобающе:

– Лёнь, только ничего, пожалуйста, не трогай. Ты уже взрослый. Я тебе всецело доверяю. Да сбегай прежде к Петру... передай, что пусть службу сам проведёт... или нет. – Павел, ни разу не пропустивший ни одной службы, начисто позабыл, что в таком случае подобает делать. – Пусть не про-

водит... на его усмотрение. Так нужно.

И по всю прыть, которую от себя не ожидал, припустился домой.

– Тётя Глаша посоветовала свозить Леночку в поликлинику. Скоро за нами приедет машина.

При этих словах Ирины супруги переглянулись.

За окном послышался сигнал автомобиля.

– Паш, сходи, глянь, что там за водитель.

Супруги переглянулись вторично.

Павел вышел за дверь и, вернувшись через минуту, побледневший и изменившийся в лице, не сказал, а прошептал:

– Николай Иванович. Это какой-то новый.

Супруги обменялись взглядом в третий раз.

– Я с ним не поеду, – Ирина истошно закричала, – с нашей дочкой всё в порядке. Я видела это во сне.

– Ирин, я тоже видел это во сне.

Они продолжали ещё пару секунд разглядывать друг на друга, недоумевая, как обоим одновременно могло присниться одно и то же.

– Тем не менее, нужно ехать. Николай Иванович не сделал нам ничего плохого, да и водитель он надёжный. Ты помнишь?

– Помню, помню. А может быть всё и так обойдётся?

Но девочка металась, горела и бредила. Срочно требова-

лась квалифицированная помощь доктора.

– Поехали. Всё это, конечно, странно. Может быть, ради ребёнка... если ребёнок, конечно, ... всю дорогу молиться буду, – глава семьи не знал, успокаивает ли он себя и супругу или же усыпляет подозрения в том, что происходит нечто необычное.

И они решились: оделись, одели дочку и отправились навстречу неизвестности.

Глава 8

Всё остальное до определённого момента, к которому мы вернёмся немного позже, Павлу, Ирине и уважаемым читателям известно из предыдущих глав за исключением, пожалуй, того, что Павел попросил водителя заехать в магазин спорттоваров, чтобы купить всё необходимое, на его взгляд, для занятий спортом...

Ненадолго забудем о главных героях нашего повествования и перенесёмся на небо.

Уважаемые читатели не ослышались. Они приглашены именно туда, где по нашим представлениям, в наисвятейшей и наичистейшей обители пребывает Всевышний – Творец – Господь Бог. Он сидит, раскинувшись в изящном удобном кресле, инкрустированном слоновой костью, и, подперев подбородок огромной ладонью, в задумчивости взирет вниз на грешную Землю, на человечество – плод его буй-

ной фантазии – и на последствия своего опрометчивого решения – выгнать Адама и Еву из Рая.

А ведь Ева была к тому времени беременна. Она ждала ребёнка. Это была первая беременность на свете и поэтому с непривычки переносилась из рук вон плохо – уже с третьего дня Еву тошнило. Как бы ей понадобилась амброзия, нектар и прочие диетические продукты, которых она лишилась, очутившись вне Рая.

– Эх, старый грешник. Что же я наделал?

Всевышний нахмурился. Робкая слеза скатилась по щеке, задержавшись в крупной морщинке.

– А ведь мог бы стать первым крёстным отцом первого живорожденного сына. А потом следовало бы опустить бережно всех троих на землю. Добро порождает добро. А зло – зло.

Вспомнив А.-С. Экзюпери – Его Наисвятейшее Божество, как известно, являет собой образец разностороннего развития, – вздохнул ещё сильнее:

– Мы в ответе за тех, кого приручаем. Да что мне дались эти яблоки? Не создавал бы таких греховных деревьев, не соблазнял бы – не соблазнились бы.

Колыхнул мощной грудью:

– С Ньютоном опять же оплошка вышла. Ушибло яблоком макушку, так сразу и решил, у кого можно, как бы это сказать помягче, одолжить законы, созданные и обоснованные задолго до него и до рождения сына Марии.

В отсутствии собеседников Творец вёл долгие диалоги сам с собой – то соглашаясь со своими мыслями, то пытаясь их опровергнуть.

– Что мне сказать женщине, которая ходит, и ходит, и просит за своего сына. Мария – какое красивое имя. Если бы она не была замужем, то...

Мысли Всевышнего потекли в сторону, с которой нам никогда прежде ещё не приходилось сталкиваться, когда речь заходила о Его характере.

И так сидел Он и размышлял.

Итак, Мысли Всевышнего потекли не в ту сторону, но мы не вправе Его осуждать.

– Со своей стороны я сделал всё возможное для обоих. Воскресил Христа. Я не виноват, что люди продолжают молиться распятому, а не воскресшему. Развесили кругом кресты с вечным мучеником. Смотреть тошно. Тьфу – тьфу – тьфу.

Всевышний сплюнул трижды через левое плечо.

– Ты меня звал?

Из-за левого плеча Властелина мира показался чумазый дьяволёнок.

– Да проходи, раз пришёл. Располагайся.

Скорчив хитрую рожицу, дьяволёнок с размаху плюхнулся в мягкую вату белоснежного облака у ног Всевышнего.

– Что, смотреть противно? Вечно один, как перст правед-

ный. И некуда деться от вечной скуки. Для разнообразия хоть бы ещё что создал. Нас-то целая семья. И мама, и папа, и братья с сёстрами. Всегда найдётся с кем потасовочку устроить, побуянить, побузить. Даже на Землю спускаться для этого не нужно. Что-то я там давненько не бывал, всё некогда. Нужно бы проведать, поразмяться. Эх, жаль того дядьку.

Дьяволёнок на мгновение нахмурился, а потом радостно добавил:

– Да пусть их. Нравится смотреть на чужие мучения, пусть смотрят. Таких для остротки следует через одного прилюдно на крест гвоздями приколачивать, можно и почаще.

Всевышний только раздосадовано вздохнул. По этому вопросу у них с Дьяволом был полный консенсус.

– Кабы каждому ангела в душу, но, к сожалению, штат невелик, а об их размножении я как-то с самого начала не подумал, а теперь уже поздно что-то менять. По Райскому Уставу не положено.

– Первый блин комом. Ничего, не грусти, глядишь, в следующий раз что-то более толковое создашь. Глина, верно, низкосортная попалась. Где ты только такую раздобыл, что и душу в неё впихнуть не удалось или сам без души творил? – Раскачивая облако, бесёнок лукаво подмигнул Всевышнему.

– Ну-ну, потише, не сбрось меня вниз.

Господь Бог погрозил не на шутку разыгравшемуся мальцу.

Неслышно к собеседникам подошла красивая плачущая женщина, и голос её напоминал журчание родника:

– Здравствуй, Господь мой. И тебе, дьяволёнок, здравствовать.

Чумазое создание бросилось навстречу женщине с поцелуями:

– Приветик, дорогая.

Всевышний приветствовал Даму радушно, но обречённо:

– Здравствуй, Мария. Ничем тебя не обрадую. Пятерых просили, да всё попусту. Двое сбежали, двое повесились, а один утопился. Не Ангельское, видно, это дело – людей переубеждать. Чего они ангелов испугались, до сих пор понять не могу. Ангелы как ангелы... беленькие с крылышками. Миленькие такие. Каждую ночь прилетали. На крылышки им глушители пришлось самолично изобретать и устанавливать, чтобы не шумели и не пугали зазря.

– Господь мой, пожалуйста, попробуй в последний раз, умоляю Тебя. Вечной должницей буду.

От последних слов прекрасной просительницы у Всевышнего защемило сердце. Как жаль, что он так стар... Дальнейшие его мысли опущу по причине того, что ничто человеческое не чуждо даже самому Господу, не зря же он создавал людей по своему образу и подобию, но подозревать его в греховных помыслах мы не вправе.

– Что там у вас за проблема? Вечно вы делаете их мухи слона, — дьяволёнок бесцеремонно влез в разговор.

– Может быть, расскажете мне. Авось сумею помочь. Задно на Земле побываю, повеселюсь всласть.

При этих словах Всевышний с Марией переглянулись и... и рассказали ему всё, как есть и как они хотели, чтобы было должно.

– Прошу. Заклинаю. Помоги хоть ты, — эмоции матери зашкаливали. — Пусть снимут моего сыночка с крестов. Он же окончательно воскреснуть не может. Да что там воскреснуть. Он успокоиться не может!!! На что ему уготованы такие страдания — неприкаянным болтаться между землёй и небесами. Символы они, знаешь ли, не лишены смысла. Вот и тянут его вдобавок в разные стороны: распятия в небеса, а судьба — к земле.

Заприметив тень своего сына, серым призраком скользящую над верхушками деревьев, святая женщина, с воодушевлением помахав ему рукой, прокричала в рупор ладоней:

– Скоро тебя спасут. Потерпи ещё немного.

Но лишь тяжёлый вздох, отдалённым громовым раскатом донёсшийся до небожителей, стал ей ответом...

Не поставив в известность маму и папу, самый младший из детей Дьявола, лихо насвистывая под нос весёленькую мелодию, отправился на Землю совершать подвиг по во славу и просьбе Бога, Матери Марии и ради Христа, крёстного сы-

на самого Творца.

А прелестная задумчивая Мария села на скамеечку у ног Господних, распустила свои чудесные вьющиеся волосы, а Он, положив свою могучую руку ей на голову, стал нежно и успокаивающе поглаживать иссини-чёрные пряди, перевитые серебряными нитями.

Глава 9

Однако пришла пора опуститься нам на Землю. Негоже раньше времени подглядывать, что происходит на небесах.

Едва старенькая Нива с нашими героями выехала за город, как проливной дождь вступил в свои приостановленные на время права. Дворники засустились, не успевая справляться с водопадными струями.

Насвистывая под нос легкомысленную песенку, Николай Иванович уверенно вёл машину.

Под визг тормозов обогнавшая их иномарка слетела в кювет, через мгновение вспыхнула ярким светочем, расплывшимся слезливыми оранжевыми бликами по стеклам куда-то спешивших в непогоду автомобилей.

Николай Иванович слегка притормозил, но не остановился.

Ирина и Павел промолчали.

Дождь всё лил и лил, и казалось, что не будет ему ни кон-

ца, ни края, так же, как кажущейся бесконечной дороге. Убаюкивающе шуршала по мокрому асфальту резина, но пассажиры ни на секунду не смыкали глаз.

Павел и Ирина тешили себя тем, что это сон и что скоро они пробудятся в своём домике в своей постели и что третьего такого же сна они не перенесут – психика их окажется на лезвии непознанной грани сознания, когда невозможно разобрать, где явь, а где – галлюцинации и игра, навязываемая тонкими полями.

Реальность съезжала с привычной жизненной колеи.

За бортом ставшего в одночасье плавсредством автомобиля разразилась небывалая гроза, втягивающая в воронку времени и разворачивающейся драмы свидетелей, попутно ставших её невольными участниками. Или просто они оказались в нужном месте в нужное время, их, как марионеток, заставили дёргаться против воли и без согласия и так распорядился сотканный единой нитью узор судеб?

Они устремились вперёд – в чьё-то прошлое или назад – в своё будущее, но в любом случае в настоящем их ждала Голгофа. Самая что ни на есть неподдельная.

Прибитые к небесам яркими всполохами, тяжёлые свинцовые кулисы постепенно раскрывались, и в сиянии наступающего полдня приближалось лобное место казни. Три креста, лёжа, терпеливо ждали своих обладателей. Груда гвоздей ржавела, накаляясь от нестерпимого жара небесного свети-

ла, так же терпеливо ожидая тех, кого, воспарив над землёй, везла старенькая Нива.

Внизу бесилась разношёрстная толпа. Ещё пара минут, и можно будет разглядеть полужверинные оскалы и угрожающие жесты.

– Что они делают?

Павел с Ириной в один голос задали один и тот же вопрос.

– Ждут вас, мои дорогие. Ждут вас. И меня в придачу.

– Что???

– Ну и чему здесь удивляться. Не мне вам рассказывать, какую мировую достопримечательность вы видите перед собой и что скоро должно здесь произойти.

– Почему нас?

Павел с Ириной снова одновременно задали вопрос.

– Почему бы и не вас? Вы же праведники, вы же проповедуете учение Христа. Вам и путь его пройти.

– Нет!!! За что?

Павел попробовал съязвить насчёт того, что до такой чести он пока мест не дослужился и что жили они, стараясь не нарушать заповеди – но слова пролетали мимо ушей конвоира.

От громкого родительского вскрика проснулась и заплакала Леночка.

Николай Иванович, ухмыльнувшись, продолжил:

– Вы оказались в подходящем месте в подходящее время. Будете жребий кидать, кого отправим на Голгофу или кто-то

решится на самопожертвование? Хотя нет, я передумал.

Обратился к Павлу :

– Уважаемый Павел Митрофанович, выбор за вами. Итак, кого назначим на роль Христа: вашу драгоценнейшую супругу или не менее драгоценнейшую дочь. Я бы посоветовал – дочь. Меньше шума будет. Ишь горлопанит как. У чёрта аж уши заложило.

Николай Иванович нетерпеливо забарабанил пальцами по рулю:

– Решайте скорей. Подъезжаем. Считайте это генеральной репетицией перед подвигом, который возложен на вас от имени Бога, Дьявола, и всех здесь присутствующих и отсутствующих. Возражения не принимаются.

– Возьмите меня.

Павел моляще посмотрел на чёрта, наконец-то осознав, с кем имеет дело.

Ирина почти потеряла рассудок, бессознательно крепко прижимая к себе дочку, что-то бессвязно напевала.

– Нет, любезный. Вас для иного предназначили.

– А если я не стану выбирать? Как я могу выбирать между дорогими...

Павел запнулся. Раздалось мерзкое хихиканье чёрта:

– Тогда придётся мне взять ещё один грех на душу. Одним больше, одним меньше. Не привыкать.

Зловеще прозвучал фатальный приговор:

– Прения закончены. Я решил. Это будет ваша дочь. Она

понесёт крест. Вернее, ввиду слабости её рученок, крест за неё уже донесли. А вот на распятие она пойдёт, пойдёт.

– Но ведь ребёнок – невинная душа. За что, за что? Разве те люди решатся на такое? У каждого из них есть дети, внуки.

Чёрт любезно пояснил:

– Авансом, дорогие мои, авансом. Грешить ей всё равно придётся. Вперёд, спасём же её душу, пока она не успела развратиться с вашего благословения и во отпущении вами ей будущих грехов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.